

АНДРЕЙ МИРОНОВ играет разные роли. Он играет в разных спектаклях разные роли. Играет в одном спектакле разные роли. И играет в одной роли — тоже разные роли.

Ну, первое понятно: все актеры играют в разных спектаклях разные роли. Второе тоже можно понять, такое бывает. Вот и Миронов в спектакле «Интервенция» играет роль французского солдата Селестена, недоверчивого и серьезного, умеющего поиздеваться над глупым командиром и неожиданно для всех спасти от ареста коммуниста-агитатора. А потом идет эпизод в одесском ресторане, где крошечной зарисовкой возникает — певец не певец, танцор не танцор, а какое-то феерическое верчение звуков, ритмов, рук, ног, головы. Блестящий эстрадный номер, маленький спектакль в спектакле, выразительными средствами, актерской задачей, наконец, характером не имеющий ничего общего с той, другой ролью, что играет в спектакле.

А вот то, что Миронов в одной и той же роли играет разные роли... Раньше, несколько лет назад, это можно было отнести к нему, как и к любому хорошему, талантливому, развивающемуся актеру, который от спектакля к спектаклю, пусть не, каждый раз, но меняет в роли детали, штрихи, настроения, оттенки чувства. Очень отчетливо было это в Миронове. Но, повторяю, этим он еще не отличался, во всяком случае, существенно, от других хороших, талантливых актеров. Сейчас то, что Миронов в одной роли играет разные роли, можно понять и объяснить иначе. Он в каждой роли играет своего героя плюс молодого популярного артиста Миронова. Но это вовсе не значит, что в каждой роли он стал играть самого себя или повторяться. Все это сложно, и, чтобы не запутаться, нужно начать сначала. С начала пути актера.

Кажется, Миронову всегда везло. Везло, что учился в Щукинском училище, впитал в себя навыки вахтанговской школы, так точно пришедшей к его индивидуальности. Петь? Пожалуй. Танцевать? Пожалуй. Петь и танцевать одновременно? Пожалуй. Бежать, прыгать, фехтовать? Пожалуй, пожалуй, пожалуй!

Второе везение было в том, что попал сразу в Театр сатиры, где все эти его качества были нужны, попал к главному режиссеру Валентину Ни-

колаевичу Плучеку, который, дорожа этими качествами, не стал их эксплуатировать.

Поэтому третьим везением уже закономерно стала роль Холдена в инсценировке романа Дж. Сэллинджера «Над пропастью во ржи», где дебютант из второго состава сразу после премьеры был переведен в первый состав. Сразу был понят многими как серьезный актер. Сразу стал популярным премьером труппы. Сразу стали ходить в Театр сатиры «на Миронова»...

Да, у театральной колыбели Миронова стояли все двенадцать добрый феи. Но для равновесия в природе должна же была свою лепту внести и тринадцатая, злая фея. Однако Миронову, как всякому «удачливому ребенку», даже она принесла добро.

Это был удивительный спектакль: был герой, страшно беззащитный и юный в своем старинном наряде с высоким, открытым на груди воротником, — и был рассчетливый и даже холодный человек, закалывающий друга и старика и толкающий к пруду влюбленную девушку, — все от страха перед людьми и своего сомнения в них и в себе.

Но постепенно коварный подарок тринадцатой феи обнаружил свои скрытые поначалу каверзы. В Дон-Жуане сомнение существовало рядом с иронией. Но они не сливались. Постепенно на смену сомнению пришла одна ирония. Потом ощутилась последовательность: сомнение — ирония — усталость.

Могут удивиться: помилуйте, какая усталость? А каскад

чок дал ему исполнитель главной роли. Спектакль начинается с того, что из обворожительно красивой, вся — застывшие кружева и цветы, — шкатулки медленно выкатывается на сцену площадка с замершим в такой же красиво-кружевной, как и все вокруг, позе Фигаро—Мироновым.

Площадка ехала, Миронов стоял, изящно облокотившись на подставку, заложив ногу за ногу. Площадка останавливалась, а Миронов продолжал стоять, томным взглядом медленно обводя зал. В зале сидели зрители, которых он однажды обворожил и сейчас проверял безусловность и прочность своего воздействия. Он обволакивал зрителей своим обаянием, своей как будто скрытой тайной. И зрители безотказно начинали аплодиро-

Ах, во всем виновата эта современная ирония, всех спа-скающая, все поглощающая и скрывающая ирония. Она прочно вошла сначала в роли Миронова, она подтачивала его Дон-Жуана и не давала Фигаро относиться серьезно даже к собственному драматическому положению.

Миронов начинающий сомневался. Разрушал каноны. Рождал уверенность, что ему все под силу. Такую уверенность рождали лучшие актеры одного с ним поколения. Рождали и подтверждали. Так играл Юрский: сначала комически нелепого «человека ниоткуда», потом — трагедийного Чацкого. Так сыграл и Миронов: рядом с его Жадовым появился смешной, глупый, отталкивающий и при этом не отвратительный, а даже (по своему, конечно) обаятельный Присыпкин в «Клопе».

Миронов по-настоящему хороший актер, обладающий не только талантом, но и мастерством. Он многое не только может, но и умеет. Он умеет теперь не только играть свои роли с удовольствием, но и играть само это удовольствие как роль. Вот что значили сказанные вначале слова о том, что Миронов играет свою роль плюс актера Миронова.

Все, кто только видел Миронова уже в прошлые годы, его поклонники и противники (а такие, надо отметить, тоже были и есть) признавали его увлеченность, вернее, его удовольствие от всего, что он делал на сцене. Он получал удовольствие не только от роли, но, казалось, еще и от возможности играть вот эту роль, на вот этой сцене, с вот этими партнерами. Он получал удовольствие, казалось, не только от песни, которую пел, но и от того, что это такая симпатичная песенка и что он может спеть ее и сделать это интересно, и еще как-то по-особенному, как никто, кроме него, не умеет.

Это стало той чертой, которая, отличая от многих хороших, талантливых актеров, умевших петь и танцевать, и хорошо играть разные роли, сделала Миронова Мироновым.

Т. ЗЛОТНИКОВА.

На снимке: артист А. Миронов в роли Хлестакова («Ревизор»).

Фото А. Фурманова.

Творческие портреты

Феи Андрея Миронова

Ее добром было сомнение. Сомнение делало многих героев Миронова удивительно современными. Поистине, он в разных вариантах сыграл человека, который сомневался. Сомневался его Холден — в навязываемых истинах привычного и порочного мира. Сомневался его Жадов из «Доходного места» — в незыблемых устоях жизни и в своих силах для борьбы с этой жизнью. Сомневался и веселый солдат Селестен.

Сомневался его Дон-Жуан в спектакле «Дон-Жуан, или Любовь к геометрии». В этом спектакле особенно ясно определился тип героя молодого Миронова. Это был Дон-Жуан, насквозь пропитанный иронией уже в самом отношении к нему автора пьесы. Дон-Жуан боится женщин и создает легенду о низвержении в ад, чтобы можно было втайне спокойно заниматься геометрией. У Миронова он, изящный, нервный, обаятельный для всех и ужасающий для себя, живет в лихорадке сомнений. Опасения от зыбкости «любовского» — любви он ищет в определенности «точечного» — геометрии. Убегая от себя, он запутывается в вязи кружев, мечется среди арок, которые к нему поворачиваются то красной, то черной стороной, пока не поймет, что можно усомниться в чем угодно, кроме человека, неделимого на красное и черное, математическое и зем-

блестящих трюков, эстрадных номеров, смешных выходов, головокружильных неожиданностей в «Бриллиантах в твоей руке»? А неутомимость — все новые роли в кино, песенки, звучащие по радио, рассказы, читаемые на творческих вечерах? А новая работа — снова редкостное везение: Хлестаков, одна из интереснейших и загадочнейших ролей мирового репертуара, о которой мечтают многие, но ему, одному из немногих, довелось сыграть?

Конечно, конечно,

но, все это у Миронова осталось. Но вот настроение...

В какой-то момент стало казаться: Миронов боится опровергнуть сложившееся о себе впечатление. Особенно отчетливо это ощутилось в спектакле «Женитьба Фигаро» (на необыкновенно сложные и интересные роли в театре Миронову продолжает везти почти постоянно). Конечно, рисунок спектакля выстроил режиссер, но, думается, тол-

вать такому зачину спектакля.

А мизансцена эта получала двойной смысл. Режиссер «подавал» Фигаро. Актер «подавал» Миронова. Так и шло в продолжение всего приглушенно-красивого, словно подернутого розово-голубой дымкой французской галантности спектакля.

Подарок тринадцатой феи — сомнение — обнаружил под своей оболочкой другое, скрытое до времени: иронию.